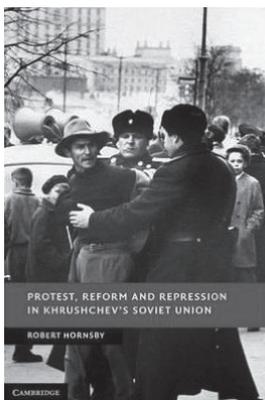

А. А. Тихомиров

Рецензия на книгу: Hornsby R. “Protest, Reform and Repression in Khrushchev’s Soviet Union”¹

Книга британского историка Роберта Хорнсби представляет собой детальный и элегантно написанный синтез истории инакомыслия и популярного протеста в эпоху Н. С. Хрущева. Главными героями книги оказываются как обычные, часто анонимные, советские граждане, так и более известные фигуры диссидентского движения, такие как Юрий Орлов, Револют Пименов, Лев Краснопевцев, Петр Григоренко, действия которых против советской власти попадали в объектив репрессивных государственных органов и влекли за собой криминализацию по статье 58-10 о «контрреволюционной деятельности», а с 1960 г. по статьям об «антигосударственных преступлениях». Их истории индивидуально-сопротивления и несогласия с советским порядком с первых страниц увлекают читателя в мир советской повседневности, где за пропагандистским фасадом консенсуса граждане отказывались вживаться в советскую нормальность, оказывая сопротивление, требуя реформ и улучшения условий жизни.

Это книга не столько об истории репрессивных и карательных структур, существовавших, после смерти И. В. Сталина, а скорее о том, как судьба индивида вследствие его политического поведения могла оказаться в центре внимания центральных государственных институтов и оказывать решающее влияние на установление границ между дозволенным и запрещенным, моральным и аморальным, нормальностью и девиацией в процессе социальной инженерии официальной советской субъективности, с одной стороны, и создания нового социального контракта о лояльности и толерантности в отношениях между властью и обществом — с другой.

Автор приложил максимум усилий, чтобы привлечь разнообразные источники и преодолеть тенденциозность источников официального происхождения. Наряду с документами Генеральной прокуратуры СССР, Хорнсби анализирует материалы ЦК КПСС, Контрольной комиссии КПСС и ЦК ВЛКСМ. Он обращается к западному взгляду на советские реалии (радио «Свобода»), дополняя его перспективой индивидуального опыта жизни в СССР из мемуаров и интервью с очевидцами событий. Несмотря на усердную архивную работу, Хорнсби не предлагает новых интерпретационных рамок для понимания жизнеспособности советско-

Тихомиров

Алексей

Александрович,

научный сотрудник,

Университет им. Гёте

*(Франкфурт-на-Майне,
Германия)*

го общества и объяснения феномена стабильности советского государства после смерти И. В. Сталина в восприятии миллионов советских граждан. В основном выводы автора не выходят за рамки уже опубликованных работ о культуре протеста хрущевского периода, выполненных около десятилетия ранее с привлечением тождественных источников².

Книга превосходно структурирована и состоит из 9 глав. Автор начинает первую главу с освещения вопроса о том, как советское общество реагировало на секретный доклад Н. С. Хрущева о культе личности И. В. Сталина и использовало лиминальную ситуацию размытости границ дозволенной риторики для артикулирования личного/коллективного опыта настоящего, травм прошлого и ожиданий от будущего. Хорнсби отмечает, что 1956 г. не являлся признаком «завершения эпохи молчания», а скорее стал реакцией на снятие табу с ранее «пикантных» тем о насильственной коллективизации, сталинского террора и несбывшихся ожиданий на улучшение суровой повседневности после победы в Великой Отечественной войне. При этом автор дифференцирует *неполитический* характер инакомыслия рабочих, причиной которого становилось плохое материально-экономическое положение, от инакомыслия интеллигенции, охватившего акции более нацеленной, сознательной критики существующего политического строя.

Вторая и третья главы реконструируют процесс взятия под контроль вначале во многом стихийного процесса десталинизации и установление новых границ толерантности режима к критике в его адрес. Автор подробно останавливается на восприятии венгерского восстания 1956 г. в СССР как поворотного пункта, маркировавшего переход к постепенной политике «закручивания гаек» с намерением положить конец дискурсам и практикам «оттепели», ставившим легитимность советского строя под сомнение. Наряду с интригующим анализом антисоветских листовок и анонимных писем, Хорнсби анализирует секретные политические организации, работа которых во многом гарантировалась семейно-родственными и дружескими связями их членов. Они выдвигали требования либерализации советской системы и возвращения к революционному идеализму. Увлекательные примеры о двух подпольных группах из Ленинграда и Москвы предлагают читателю узнать грамматику функционирования подобных сообществ, их кодекс чести и моральные установки, ценности и мотивы действий, ритуалы принадлежности и используемые методы борьбы. Их активность выходила далеко за пределы малых регионов, связывая города, республики и государства индивидуальными связями антисоветских убеждений (С. 102–107).

Апогей применения «политической» статьи 58–10, осуждавшей контрреволюционные, антисоветские поступки, описан в четвертой главе. Автор рассказывает нам о попытках и сложностях нового определения понятия «антисоветские выступления». Поскольку, как правило, это был городской феномен, то под категорию «антисоветчиков» часто попадали люди, которые не были противниками системы, а оказывались жертвой случайно, оказавшись не в том месте, не в тот момент, или проронив ненужное слово в нетрезвом состоянии. Водораздел политического и неполитического характера протестного поведения довольно четко определяется к 1958 г.: если к критике вопросов потребления, организации быта и социальной защищенности власть относилась толерантно и даже с сочувствием, то высказывания и действия, носившие антигосударственные и антисоветские коннотации, не терпелись и, как следствие, подвергались криминализации. В качестве показателя свертывания «оттепели» автор приводит число осужденных по «политической» статье 58–10, достигшее в 1957 г. 1964 человек. Показательно, что среди осужденных имелись члены КПСС и комсомольской организации,

по отношению к которым правовая система использовала двойные стандарты. Этим «своим», или «привилегированным» заключенным, выносились более мягкие приговоры, за них вступались вышестоящие партийные боссы, используя каналы личного влияния и телефонного права в обход правовых и законодательных норм.

Пятая глава, которой открывается второй раздел книги, описывает новые «правила игры», определившие взаимоотношения и взаимовосприятие между государством и обществом вплоть до начала перестройки. Улучшение условий жизни, как утверждает автор, позволило удерживать уровень сопротивления власти на минимальном уровне и гарантировать лояльность большинства на десятилетия после сталинской эпохи. Оформление нового социального контракта привело, по мнению автора, к более концентрированным акциям политического протеста. Однако стоит учитывать, что утверждение автора об интенсивности и «громкости» инакомыслия было обусловлено целым рядом факторов: от растущего цинизма граждан в советской повседневности, усиления роли КГБ в отслеживании антигосударственных настроений наряду с усовершенствованием средств коммуникации в результате технического прогресса вплоть до усиления влияния западного фактора на диссидентское движение в СССР и его репрезентации в западных средствах массовой информации. Все вместе эти факторы сыграли решающую роль в создании впечатления о масштабности, интенсивности и всеохватности протестным поведением значительной территории и широкой аудитории. Сам автор приводит впечатляющий пример, как одна из листовок распространялась в пяти союзных республиках в крупнейших городах (С. 144).

Анализ формирования «послесталинской, посттеррористической диктатуры», базировавшейся на комбинировании профилактических, полицейских и карательных мер по отношению к антисоветским выступлениям, — в центре анализа шестой и седьмой глав книги. Автор показывает, что за исключением массовых беспорядков в индустриальных центрах 1960–1962 гг., власть отказывается от применения открытого террора. В гораздо большей степени в управлении умонастроениями населения акцент был сделан на политику профилактики и проникновения государственного контроля в интимные сферы жизни советского субъекта, рассчитывая на интеграцию индивида в практику надзора и наказания инакомыслия. Новшеством данной профилактики стала опора на «научное» знание о популярных настроениях населения за счет создания Института общественного мнения при «Комсомольской правде» в 1960 г. Кроме того, политика профилактики не ограничивалась пропагандой моральных стандартов поведения для советского гражданина в социалистических масс-медиа, не гнушаясь использованием практик эмоционального давления на непокорных граждан в виде запугивания, пристыживания и принуждения к самокритике во время личных разговоров с сотрудниками КГБ.

Восьмая и девятая глава вписываются в парадигму исследований о развитии современных государств и техник массового контроля над населением. Научные знания и технический прогресс были призваны подавить неконформистское поведение в корне, вычисляя, измеряя и классифицируя «девиантное поведение». Наряду с ГУЛАГом и тюрьмами, в эпоху Н. С. Хрущева все чаще начинает использоваться карательная психиатрия для борьбы с диссидентами. Точная статистика жертв принудительной психиатрии отсутствует, но вполне реально, что цифра могла достигать нескольких сотен жертв (С. 237). Их социальный портрет отражает общие тенденции протестного поведения в эпоху после И. В. Сталина: 92,7% заключенных психиатрических клиник были мужчины в возрасте около 35 лет, средний срок их заключения составлял около пяти с половиной лет (С. 241). Практика

принудительного психиатрического заключения вызвала широкий общественный резонанс на Западе, стимулируя становление движения за права человека в СССР и оформление самого диссидентского движения. К показательным знакам зарождения «эмбриональной публичной сферы» (С. 259) в СССР автор относит появление самиздата, публичные чтения поэзии на площади Маяковского в Москве и волну писем простых граждан в «Новый мир» после публикации романа Александра Солженицына «Один день из жизни Ивана Денисовича». Перечисленные новшества в публичной жизни страны стали доказательством рождения *другого* советского общества, которое искало ниши и пространства автономного выражения опыта, травм и эмоций в противовес навязываемой государством грамматике лояльности и правил подчинения.

Одним из главных достоинств исследования является объективность, благодаря которой автор делает один из ключевых выводов своего анализа — о том, что и после смерти И. В. Сталина Советский Союз по-прежнему применял репрессии по отношению к лицам, которые публично ставили под сомнение легитимность советского порядка. Вплоть до начала перестройки государство не мирилось с политическим инакомыслием и устанавливало четкие границы дозволенной риторики и поведения, выход за которые грозил применением штрафных санкций. С одной стороны, книга Хорнсби предостерегает нас от приукрашивания опыта жизни в позднем СССР — тенденции, явно проявившейся в исторических работах последних лет о повседневности, практиках удовольствия, потребления и туризме. С другой стороны, исследование автора явно склонно опираться на традицию советологии 1990-х гг., когда в ходе архивной революции исследователи сосредоточили усилия на описании «триумфа сопротивляющегося субъекта»³. В итоге при чтении книги создается впечатление, что автору при анализе источников не всегда удается избежать использования таких «традиционных» бинарных категорий, как «принятие» и «отклонение», «вера» и «неверие», «лояльность» и «сопротивление», ставших аналитическим языком западной историографии в обнаружении «автономных», неиндоктринированных либеральных «я» в пост-сталинской России, которые контрастно выделялись на фоне большинства конформистских, циничных, или, так сказать, «нормальных» советских граждан. Тем не менее, книга Роберта Хорнсби предлагает читателю пронизательный обзор развития советского государства и общества в послесталинский период и может быть рекомендована всем тем, кто интересуется изучением послевоенной, (пост-)социалистической культуры протеста и инакомыслия в широкой европейской и глобальной перспективе.

¹ Hornsby R. *Protest, Reform and Repression in Khrushchev's Soviet Union*. Cambridge University Press, 2013. 313 pp. (New Studies in European History).

² Здесь мы ограничиваемся цитированием ключевых работ: Kozlov V. *Mass Uprisings in the USSR: Protest and Rebellion in the Post-Stalin-Years*. London, 2002 (русское издание увидело свет в 1999 г.); *Sedition: Everyday Resistance in the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev* / ed. by V. Kozlov, S. Fitzpatrick, S. Mironenko. New Haven, 2011 (русское издание — 2005 г.); Кулевиц Э. *Народный протест в хрущевскую эпоху: девять рассказов о неповиновении в СССР*. М., 2009.

³ Krylova A. *The Tenacious Liberal Subject in Soviet Studies* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian Studies*. 2000. N 1. P. 1–28.

Тихомиров А. А. Рецензия на книгу: Hornsby R. "Protest, Reform and Repression in Khrushchev's Soviet Union" // Новейшая история России. 2015. № 3 (14). С. 262–266.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: научный сотрудник, Университет им. Гёте (Франкфурт-на-Майне, Германия); tikhomirov@em.uni-frankfurt.de

Tikhomirov A. A. Review on: Hornsby R. "Protest, Reform and Repression in Khrushchev's Soviet Union"

AUTHOR: Research Fellow in East European History, Goethe-University (Frankfurt am Main, Germany); tikhomirov@em.uni-frankfurt.de

REFERENCES:

- ¹ Hornsby R. *Protest, Reform and Repression in Khrushchev's Soviet Union* (Cambridge, 2013).
- ² Kozlov V. *Mass Uprisings in the USSR: Protest and Rebellion in the Post-Stalin-Years* (London, 2002).
- ³ *Sedition: Everyday Resistance in the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev*, Ed. by V. Kozlov, S. Fitzpatrick, S. Mironenko (New Haven, 2011).
- ⁴ Kulevig E. *Narodnyj protest v hrushhevskuju jepohu: devjat' rasskazov o nepovinoenii v SSSR* (Moscow, 2009).
- ⁵ Krylova A. 'The Tenacious Liberal Subject in Soviet Studies', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian Studies*, no. 1, 2000.